

Адоньева И. Г. Русские юристы второй половины XIX века о политико-правовых концепциях Екатерины II / И. Г. Адоньева // Научный диалог. — 2021. — № 7. — С. 325—340. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-325-340.

Adonyeva, I. G. (2021). Russian Lawyers of Second Half of 19th Century on Political and Legal Concepts of Catherine II. *Nauchnyi dialog*, 7: 325-340. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-325-340. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-325-340

Русские юристы второй половины XIX века о политико-правовых концепциях Екатерины II

Адоньева Инесса Геннадьевна
orcid.org/0000-0003-1485-9919
кандидат исторических наук, доцент
кафедра истории и политологии
adoinessa@yandex.ru

Новосибирский государственный
технический университет
(Новосибирск, Россия)

Russian Lawyers of Second Half of 19th Century on Political and Legal Concepts of Catherine II

Inessa G. Adonyeva
orcid.org/0000-0003-1485-9919
PhD in History, Associate Professor
Department of History
and Political Science
adoinessa@yandex.ru

Novosibirsk State
Technical University
(Novosibirsk, Russia)

© Адоньева И. Г., 2021

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проанализированы оценки российскими юристами второй половины XIX века политико-правовых концепций Екатерины II. Уделяется внимание учебным и научным трудам по истории российского права и русскому государственному праву, изданным во второй половине XIX века. Автор исходит из того, что на оценки русскими юристами политико-правовых идей императрицы повлияли профессиональный и сословный факторы. Показано, что профессиональный заключался в официальном введении Екатериной II в русский политико-правовой оборот достижений европейских просветителей, способствующих формированию тенденции к преобладанию закона над волей монарха. Особое внимание уделяется тому, что большинство представителей юридической профессуры имели дворянское происхождение, XVIII век был для них сравнительно недавним прошлым, а семейные предания и сословная идентичность формировали положительное представление о екатерининском правлении и самой императрице. Показано, что исследователи, занимавшиеся изучением купеческого сословия, обращали внимание на то, что выборочное знакомство императрицы с трудами европейских мыслителей оставило без ее внимания отрасли права, имевшие принципиальное значение для сословия, занятого в коммерции и промышленности. Автор отмечает, что максимальное внимание историки права уделяли государственно-правовым концепциям императрицы.

Ключевые слова:

правовые и политические концепции; Екатерина II; юридическая профессура; пореформенный период.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

The views of Russian lawyers of the second half of the 19th century regarding the political and legal concepts of Catherine II are considered. Attention is paid to educational and scientific works on the history of Russian law and Russian state law, published in the second half of the 19th century. The author proceeds from the fact that professional and class factors influenced the assessment of the empress's political and legal ideas by Russian lawyers. It is shown that the professional one consisted in the official introduction by Catherine II into the Russian political and legal turn of the achievements of European educators, contributing to the formation of a tendency towards the prevalence of the law over the will of the monarch. Particular attention is paid to the fact that most of the representatives of the legal profession were of noble origin, the 18th century was a relatively recent past for them, and family traditions and class identity formed a positive idea of Catherine's rule and the empress herself. At the same time, it is shown that researchers associated with the merchants paid attention to the fact that the empress's selective acquaintance with the works of European thinkers left her without attention to branches of law, for example, civil law, which was of fundamental importance for the estate employed in commerce and industry. The author notes that historians of law paid maximum attention to the state-legal concepts of the empress. It is proved that the conclusions made in the study correlate with the ambiguous assessments of Catherine II both among historians and Russian society as a whole.

Key words:

legal and political concepts; Catherine II; legal professorship; post-reform period.

Русские юристы второй половины XIX века о политико-правовых концепциях Екатерины II

© Адоньева И. Г., 2021

1. Введение

Оформление юристов как социально-профессиональной группы произошло в Российской империи во второй половине XIX века, а знаковыми для этого процесса стали Университетский устав 1835 года, положивший начало качественному юридическому образованию, и Университетский устав 1863 года, сделавший специальность массовой. Принципиально важной была реформа 1864 года, вводившая в отечественную судебную систему действовавшие в Европе принципы гласности, состязательности, свободной оценки доказательств и т. д. Американский исследователь Р. Уортман в своем фундаментальном труде убедительно доказал, что именно в это время в России складывается круг юристов, для которых на первое место выходит служение праву [Уортман, 2004]. Идеи, которые были сформулированы просветителями в XVIII веке, послужили основой для правового государства и стали базовыми элементами профессионального образования юристов. Поэтому наследие Екатерины II, позиционирующей себя ученицей Ш. Монтескье, Ф. Вольтера и Ч. Беккариа, было для отечественных правоведов предметом внимания. Также интерес к правовым концепциям и законодательству Екатерины II со стороны юристов второй половины XIX века был обусловлен наличием у нее авторских текстов юридического содержания, наиболее ярким из которых являлся знаменитый «Наказ». При этом в современной науке отсутствуют работы, обобщающие суждения специалистов эпохи расцвета отечественной юриспруденции относительно понимания императрицей правовой сферы жизни общества.

Поставленная таким образом проблема обуславливает внимание к историографическим исследованиям, среди которых широко представлены работы, посвященные традиции изучения того или иного аспекта деятельности Екатерины II на разных этапах развития науки [Волкова, 2011; Федоренко, 2018; Юферова, 2014а; Юферова, 2017]. С. В. Юферова пришла к выводу о том, что исследователи второй половины XIX — начала XX веков отмечали непоследовательность правовой политики императрицы, формальность и декларативность ее намерений [Юферова, 2014б, с. 133]. При этом заключения юристов относительно суждений и конкрет-

ных действий императрицы не оценивались с точки зрения их собственных профессиональных взглядов.

Так, Д. Р. Садикова сосредоточила внимание на выводах дореволюционных исследователей относительно степени заимствования Екатериной II идей Монтескье при работе над «Наказом» и доказала, что во второй половине XIX века среди интеллектуалов оформилось несколько направлений, приверженцы которых отстаивали противоположные взгляды по этому поводу [Садикова, 2014]. Кроме того, в настоящее время разрабатываются вопросы, связанные с воздействием достижений европейской юридической науки XVIII века на последующую законодательную деятельность императрицы [Бабкова, 2015; Назаренко, 2008]. Г. О. Бабкова проанализировала воззрения Екатерины II на уголовное право, воплотившиеся в 1780-е годы в реформы законодательства. Автор отметил влияние на императрицу произведений английского юриста У. Блэкстоуна. Сравнив созданные Екатериной II проекты и «Устав благочиния», Г. О. Бабкова пришла к выводу о прямом влиянии императрицы на качественно новый этап развития русского уголовного законодательства (появление новой классификации преступлений, оформление тенденции к защите жизни и собственности любого жителя империи без учета его сословной принадлежности) [Бабкова, 2015, с. 18—19]. Б. А. Назаренко в историографическом блоке своей работы отметил позитивное мнение о законотворческой деятельности императрицы, высказанное отцом знаменитого юриста и публициста К. К. Арсеньева К. И. Арсеньевым, который в 1820-е годы ратовал за кодификацию законодательства как одно из условий экономического благополучия империи. Признаком прогрессивных для эпохи правовых идей императрицы Б. А. Назаренко назвал соразмерность преступления и наказания и постановку вопроса о гласности судопроизводства [Назаренко, 2008, с. 34—35].

Юридический язык как объективированная форма мышления периода второй половины XVIII века стал предметом внимания Г. В. Дуриновой и Е. Н. Марасиновой [Дуринова, 2015; Марасинова, 2017]. Е. Н. Марасинова в своей монографии, помимо прочего, реконструировала правовое мышление императрицы и отношение к ее юридическому творчеству современников из числа политической элиты. Исследователь выявил широкий спектр оценочных суждений, которые высказывали соратники и противники Екатерины II относительно ее практической деятельности, обусловленной правовыми воззрениями императрицы. Большая часть современников считала, что она смогла упорядочить находившиеся в плачевном состоянии российские законы. Некоторые из современников, как отмечает Е. Н. Марасинова, все-таки находили, что страна лишена «твердого основания для законов и распорядков» [Марасинова, 2017, с. 243]. Автор по-

лагает, что Екатерина II в качестве адресатов своих произведений предполагала подданных, принадлежавших к высшему сословию: «Выверенная и продуманная политика в отношении знати находилась в явном диссонансе с разрушением всякого диалога, даже умозрительного и показательного, с большей частью населения» [Там же, с. 277]. Е. Г. Недайводина сделала заключение о том, что императрица стремилась учитывать уровень юридической культуры населения России [Недайводина, 2014, с. 114]. Е. С. Соколова пришла к выводу о реализации Екатериной II патерналистской правовой политики, что также было связано с особенностями менталитета большей части населения Российской империи [Соколова, 2018, с. 105].

Наиболее близка нашему исследованию статья американского исследователя У. Батлера, посвященная студенческой работе Л. Н. Толстого о «Наказе», где будущий писатель пришел к заключению, что этот труд «принес больше славы Екатерине, чем пользы России» [Батлер, 2018]. Здесь важным является то, что Лев Николаевич создавал свое произведение, будучи студентом первого курса юридического факультета Императорского Казанского университета, то есть его суждения были, пусть даже и умеренно, профессионально детерминированы. У. Батлер полагал, что задачами будущего писателя были выявление самостоятельности вклада императрицы в свое самое знаменитое произведение, а также оценка непосредственно самого текста. Автор полагает, что на учебно-научное исследование Л. Н. Толстого серьезно повлияло его нелюбимое мнение о Екатерине II как личности тщеславной и эгоистичной; эти качества, по мнению писателя, обусловили более низкий уровень текста императрицы в сравнении с тем, что от нее можно было бы ожидать: она «...не могла подавить своего мелочного тщеславия, которое помрачает ее великие достоинства» [Батлер, 2018, с. 10—11].

Целью настоящей работы является реконструкция взглядов российских юристов второй половины XIX века относительно политико-правовых концепций Екатерины II.

Методологической базой настоящей работы стала история интеллектуальной культуры, привлекаемая в данном случае как основа для анализа юридических идей и дискурсов с учетом общественно-политического и экономического состояния Российской империи второй половины XIX — начала XX веков. Основным методом является дискурсивный анализ в понимании Т. ван Дейка, когда дискурс рассматривается как завершённый письменный вербальный продукт коммуникативного действия, а также его результат, который интерпретируется адресатами [Ван Дейк, 2013, с. 24]. Кроме анализа текста, анализ дискурса также предполагает описание социальных условий, предопределяющих порождение и восприятие текста.

В этой связи был использован метод интеллектуальной биографии как сочетания биографического, текстуального и социокультурного анализа, позволяющий понять мотивы обращения автора к представленной им проблематике и особенности ее репрезентации.

Состояние юриспруденции как науки и отрасли деятельности вплоть до середины XIX века было весьма плачевным [Томсинов, 2010]. Отсутствие профессиональных юристов самым негативным образом сказывалось на законодательстве и судебной практике. По части правовых познаний Екатерина II выгодно отличалась от современников, однако сведения эти были приобретены ей в результате самообразования. Это осознавали и юристы второй половины XIX века, обращавшиеся к наследию императрицы и включавшие его в курсы по истории права и государственному праву, но не в дисциплины, связанные с правовыми учениями. Обращаясь к трудам Екатерины II, они стремились понять ход ее рассуждений, их реализацию на практике, что стало фактически реконструкцией ее политико-правовых концепций.

Основными источниками настоящей работы являются труды отечественных историков права и специалистов в области государственного права М. Ф. Владимирского-Буданова (1838—1916), В. Н. Латкина (1858—1927), А. Д. Градовского (1841—1889), А. Г. Тимофеева (1867 — после 1917), А. С. Алексеева (1851—1916), Д. П. Никольского (1857—1907), И. Е. Андреевского (1831—1891), Д. Я. Самоквасова (1843—1911), изданные в период с 1866 по 1904 годы.

Юридические аспекты правления Екатерины Великой были предметом специального научного анализа для двух исследователей: А. Д. Градовского и В. Н. Латкина. Остальные, обращаясь к правовому творчеству и законодательной деятельности императрицы, зачастую тиражировали при этом устоявшуюся точку зрения. Хронологические рамки заданы, прежде всего, особенностями цензурного законодательства. До 1905 года в Российской империи существовали серьезные ограничения по опубликованию любой информации, в том числе и научной, связанной с династией Романовых. Для российских интеллектуалов второй половины XIX столетия век XVIII был актуальным, близким прошлым, присутствующим в семейной памяти [Леонтьева, 2011, с. 30]. «Столетье безумно и мудро» в силу специфики его политической истории было до революции 1905 года предметом пристального внимания цензуры, особенно если научный или публицистический текст касался прямых предков правящего монарха. И. М. Чирскова отметила, что «главным критерием при определении рамок допустимой “гласности” было почтительное отношение к верховной власти в лице императорской фамилии. Предметом особого внимания были династические связи, права на

престол, законность рождения, государственная деятельность, образ жизни и личные связи покойных» [Чирскова, 1995, с. 65]. В связи с этим историкам и юристам, изучающим в пореформенную и последующие эпохи жизнь и деятельность Екатерины II, необходимо было создавать тексты, способные пройти цензуру, а также проявлять максимум такта и изящества слога, чтобы донести до читателей результаты своих изысканий.

2. Государственно-правовые и политические концепции Екатерины II с точки зрения российских юристов второй половины XIX века

Одним из самых крупных специалистов в области русского государственного права был скончавшийся в сравнительно молодом возрасте А. Д. Градовский. Он остановился на достижениях Екатерины II в области законодательства, изменений в сфере государственного управления и отчасти затронул ее политико-правовые идеи. Надо полагать, в том числе и авторитет Градовского стал причиной того, что большинство русских государствоведов и историков права были склонны восхищаться юридическими аспектами деятельности императрицы. Для юриста она стала примером подготовленного и профессионально мыслящего правителя XVIII века: «Время, проведенное императрицей в России до восшествия ее на престол, не осталось для нее без пользы. Ее проницательный взгляд быстро рассмотрел к русским административным порядкам, быстрый ум успел найти в них злоупотребления и многое придумать для их исправления. Твердую руку взялась она за государственное дело; не слабая женщина заседала в Сенате в 1762 г., а один из опытнейших администраторов и законодателей. Сама Екатерина знакомит нас со своим взглядом на тогдашнюю администрацию. Плохое состояние финансов и финансовой администрации, невыносимое положение монетного дела и, в результате всего этого, отсутствие кредита остановили на себе ее внимание» [Градовский, 1866, с. 204—205]. По его мнению, она предельно ясно, хотя и сообразно с собственными устремлениями, понимала смысл разделения властей. Описав негативное отношение императрицы к «многофункциональности» Сената и обилию у него полномочий, исследователь пришел к следующему выводу: «Сенат был устроен для исполнения законов, ему предписанных, а он часто выдавал законы, раздавал чины, достоинства, деньги, деревни, одним словом почти все и утеснял прочие судебные места в их законах и преимуществах. Во всяком случае, императрица видела в Сенате учреждение, несовместимое с ее видами, и деятельно принялась за его реформу. В чем же она видела средства к этому? Нет сомнения, что лучшим средством ослабить силу этого учреждения было выделить из него три смешанные в нем власти. Стеснить до чрезвычайности законодательную его

инициативу, организовать административную власть особо от него и свести его назначение места с судебным характером — вот задача, которую предположила себе Екатерина и которую она выполнила в течение своего царствования» [Градовский, 1866, с. 206—207]. Для А. Д. Градовского императрица являлась одним из выдающихся российских законодателей, во всяком случае в части преобразования высших органов власти.

Старший современник Градовского И. Е. Андреевский затронул вопрос о деятельности Екатерины II в масштабном труде «Русское государственное право», рассматривая действующие институты с точки зрения их исторического развития. Вышедший в 1866 году труд отразил настроения юридической интеллектуальной элиты того времени, понимающей закон как противоположность самовластью и деспотии. Екатерина II для исследователя стала воплощением стремлений этой социально-профессиональной группы: «Со времени императора Петра I, стремившегося изменить начала русской жизни, является усиленная и точная законодательная деятельность самодержавной власти российских императоров, точно выясненная императрицей Екатериной II и выраженная в основных законах теми словами, что Российская империя управляется на твердых основаниях положительных законов, от самодержавной власти исходящих» [Андреевский, 1866, с. 167]. Самодержавие в данном случае не могло ставиться под сомнение, но закон, не оставляющий шансов для произвола, был мечтой для русских юристов второй половины XIX века. Либеральные устремления самого И. Е. Андреевского проявились при его интерпретации «Наказа»: «В Наказе комиссии о сочинении нового уложения императрица Екатерина II выяснила государственное значение закона как основание равенства всех граждан в общественной и государственной вольности» — все боятся одних законов [Там же]. Исследователь фактически приписал императрице либеральные правовые взгляды, свойственные его соратникам и современникам. Это было обусловлено как временем создания его труда, так и личными свойствами и профессиональными интересами автора: обширной благотворительной деятельностью, изучением прошлого и настоящего местного самоуправления, идеи о свободе личности. Как и в случае с Градовским, следующее поколение государствоведов и историков права исходило из аксиомы о высоком уровне политико-правовых концепций Екатерины II. Это убеждение наиболее ярко проявилось в текстах Д. П. Никольского. Тезис из «Наказа» о том, что все должны быть равны в силу страха перед одинаковым законом, он рассматривает как заданную императрицей степень понимания российской властью ценности каждого человека: «Из этих слов видно, что в России государственная власть не только не уничтожает личности отдельного гражданина, но и ставит заботу о ней своей главной задачей» [Никольский, 1904, с. 23]. Государствовед А. С. Алексеев заострил

внимание на преимущественно европейском типе воззрений императрицы, что, по его мнению, повлияло на развитие законодательства, но не стало основой для строя империи [Алексеев, 1892, с. 162—163].

В. Н. Латкин, сферой научных интересов которого были законодательные комиссии XVII—XVIII веков, более критично относился к правовым концепциям императрицы. С одной стороны, он, безусловно, положительно оценил провозглашенный Екатериной II принцип равенства всех граждан перед законом, отметив, однако, что фактически он был реализован только в правление Александра II. С другой стороны, ее интерпретация принципа свободы представлялась юристу вводящей в заблуждение читателей, тем более неискушенных, которыми являлись большинство современников императрицы и адресантов «Наказа»: «“Общественная или государственная вольность”, — читаем в Наказе, — “не в том состоит, чтобы делать все, что кому угодно. В государстве, то есть в собрании людей, обществом живущих, где есть законы, вольность не может состоять ни в чем ином, как в возможности делать то, что каждому надлежит, хоть и чтоб не быть принужденну делать то, чего хотеть не должно. Вольность есть право все то делать, что законы дозволяют, и ежели бы где какой гражданин мог делать с законами запрещаемое, там бы уже вольности не было, ибо и другие имели бы равным образом свою власть. Вольность в праве есть спокойствие духа, происходящее из мнения, что всякий из них собственно наслаждается безопасностью, и чтобы люди имели сию вольность, надлежит быть закону такову, чтобы один человек не мог бояться другого, а бояться все одних законов”» [Латкин, 1888, с. 299—300]. Данное мнение Екатерины II, оцениваемое исследователями, как отмечалось, высоко, подвергается Латкиным весьма критичному разбору: «В Наказе мы встречаемся с двумя определениями свободы, совершенно несходными между собой и совершенно непримиренными друг с другом. На основании одного определения свобода есть право делать все, что дозволено законами, на основании другого определения свобода есть спокойствие духа, присущее каждому гражданину вследствие сознания им своей безопасности, гарантированной ему законами. Объясняется это тем, что императрица, заимствуя названное место у Монтескье, неверно передала его. Монтескье знает два рода свободы: личную и политическую. Первую он определяет как спокойствие духа каждого гражданина, происходящую вследствие сознания своей безопасности, а вторую как право совершать то, что не запрещено законом. Императрица же, смешав оба рода свободы в один род политической (государственной) свободы, заимствовала оба определения, применив их к понятию одной государственной свободы. Отсюда двоякое определение этой последней» [Там же, с. 300]. Таким образом, с точки зрения В. Н. Латки-

на, Екатерина II была старательной, но не совсем внимательной ученицей французского философа, а также не смогла понять его до конца.

3. Идеи Екатерины Великой в сфере гражданского права в оценках русских юристов

Юристы отмечали, что ключевое для гражданского права понятие собственности — «права над вещами» — оформилось в России именно в екатерининскую эпоху. М. Ф. Владимирский-Буданов при этом обратил внимание на влияние в этом отношении на императрицу европейских правовых учений и установившейся в Польше практики. Гражданское право Екатерина II понимала как «рассуждение о взаимности всех граждан между собою, которое сохраняет и в безопасность приводит собственность всякого гражданина» [Владимирский-Буданов, 1900, с. 602]. С точки зрения исследователя, и здесь императрица воспользовалась достижениями предшественников: «“право над вещами” определяется как “право, которое каждый член общества гражданского имеет над имениями справедливо приобретенными”; имения разделяются на движимые и недвижимые; следовательно, здесь совершенно уравнивается отношение владельца к тем и другим. К понятию недвижимых имуществ определительно отнесены указом Петра III (1762 г., апреля 20) дворы, заводы, фабрики со всяким строением; при Екатерине этот вопрос вновь рассмотрен (1762 г., октябрь) и утвержден в смысле указа Петра III» [Там же, с. 602—603]. Автор при этом обратил внимание, что допускались сформировавшиеся в петровскую эпоху ограничения права собственности. Кроме того, как его нарушение он оценил проведенную императрицей секуляризацию [Там же, с. 599]. В целом право собственности во второй половине XVIII века рассматривается им как привилегия двух сословий, распространившаяся постепенно к эпохе Александра II на все слои российского общества.

В. И. Латкин полагал, что представления императрицы о гражданском праве были весьма поверхностными. Исследователь связал это с тем, что в ее круг чтения не вошло ни одного труда европейских цивилистов. Поэтому данной отрасли права для императрицы практически не существовало: «Гражданскому праву уделено в Наказе совсем немного места — только одна глава “О наследствах”. Затем встречаются кое-какие мнения и мысли, касающиеся гражданского права и разбросанные в разных частях Наказа. Подобный факт, нужно думать, объясняется следующим образом. Как известно, источниками Наказа были сочинения Монтескье, Гельвеция и Беккарии. Оба первые мыслителя занимают, главным образом, разрешением вопросов государственного устройства и управления. Сочинение Беккарии “О преступлении и наказаниях” ка-

сается исключительно уголовного права и судопроизводства» [Латкин, 1888, с. 316]. Для Латкина, выходца из богатой купеческой семьи, который с раннего детства ориентировался в вопросах договоров, собственности и познавал гражданское право на практике со всеми его особенностями, такое пренебрежительное отношение великой императрицы могло быть одним из объяснений низкого уровня правовой культуры соотечественников, даже принадлежащих к кругу интеллектуалов. Непроработанность вопросов собственности также стала основанием, которое привело юриста к выводу о том, что выборочное знакомство с достижениями европейских мыслителей не гарантировало Екатерине II необходимого для успешного законотворчества уровня правового мышления. Представления императрицы о гражданском праве стали предметом ее умеренной критики со стороны юристов.

4. Уголовно-правовые идеи Екатерины II в творчестве русских юристов второй половины XIX — начала XX веков

М. Ф. Владимирский-Буданов, один из самых авторитетных специалистов по истории права в Российской империи, полагал, что заимствование императрицей идей европейских уголовно-правовых учений, принятие их ею лично способствовало дальнейшей эволюции российской юстиции в сторону ее гуманизации: «Екатерина II в первый раз определяет другую цель наказания, именно — охранение общества от преступлений (ст. 144—147); иногда проскальзывает в Наказе и мысль о том, цель наказания есть “возвратить заблудшие умы на путь правый” (ст. 93). Она считает наказание необходимым злом, а потому более рассчитывает на предупредительные меры, чем на карательные (ст. 83), именно не запрещать в законе деяний безразличных (ст. 242)» [Владимирский-Буданов, 1900, с. 361—362]. Признание преступления общественно опасным деянием, целью наказания — не устрашение, а «перевоспитание», упоминание о профилактике свидетельствовали о новом уровне правовых идей, которые императрица транслировала политической элите. Подтверждением высокого уровня правотворчества для автора являлось и то, что в екатерининскую эпоху мошенничество, кража и грабеж были впервые выделены в отдельные составы преступления. Однако автор счел нужным упомянуть, что Екатерина II в этой части во многом восприняла достижения елизаветинской комиссии. Владимирский-Буданов отметил то, что императрица дифференцировала покушение на преступление и оконченное преступление, обозначив необходимость разных санкций. Он подчеркнул, что утверждение о большем значении неотвратимости наказания, а не его строгости ввела в политико-правовой язык России также Екатерина II [Там же, с. 358, 364].

А. Г. Тимофеев, рассматривая законодательную практику Екатерины II с точки зрения истории телесных наказаний, отметил, что с ее правления начинается постепенное «смягчение нравов» и проходит страх перед властью, а это является, с точки зрения исследователя, прямым следствием вклада императрицы в законодательство [Тимофеев, 1897, с. 50, 68, 97]. Таким образом, и идеи Екатерины II в сфере уголовного права, и их практическая реализация представлялись дореволюционным юристам соответствующими достижениям науки того времени и предшествующими будущим изменениям.

5. Заключение

В суждениях юристов относительно правовых концепций Екатерины II, помимо собственных установок каждого исследователя, надо полагать, ярко проявился и сословный фактор. Все авторы, позитивно оценивавшие уровень политических и юридических идей императрицы, кроме сына сельского священника М. Ф. Владимирского-Буданова, являлись дворянами, которые соотносили свое привилегированное положение в империи с деятельностью Екатерины II. Несмотря на серьезное имущественное расслоение высшего сословия и принятие частью его представителей либеральной доктрины, дворянство в пореформенную эпоху еще связывало себя с престолом (за исключением, конечно, носителей революционных настроений). Вероятнее всего, в научных трудах имела место своеобразная ностальгия по «золотому веку русского дворянства», которая устойчиво ассоциировалась с екатерининским правлением. В. Н. Латкин, который был знаком еще до университета с особенностями коммерческой деятельности, выросший в купеческой, но при этом ориентированной на интеллектуальный труд в семье (помимо торговли и золотопромышленности, его отец занимался геологическим изучением Русского Севера и Сибири), имел возможность наблюдать, как низкий уровень гражданско-правовой культуры и гражданского законодательства негативно сказываются на экономическом развитии государства. Этим, вероятнее всего, обусловлено его далекое от восторженного отношение к юридическому творчеству Екатерины II. Кроме того, в условиях России второй половины XIX — начала XX веков наибольший интерес исследователи проявляли к ее государственно-правовым воззрениям; идеи в области уголовного и гражданского права обсуждались гораздо менее интенсивно. При этом амбивалентность суждений относительно императрицы наблюдалась не только в профессиональных юридических кругах. Серьезные дискуссии (в рамках дозволенного цензурой) шли среди историков, неоднозначно оценивало Екатерину II и российское общество в целом.

Источники и принятые сокращения

1. *Алексеев А. С.* Русское государственное право / А. С. Алексеев. — Москва : Типография А. Гатцука, 1892. — 473 с.
2. *Андреевский И. Е.* Русское государственное право / И. Е. Андреевский. — Санкт-Петербург, 1866. — Т. 1. — 496 с.
3. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права / М. Ф. Владимирский-Буданов. — Санкт-Петербург ; Киев : Н. Я. Оглоблин, 1900. — 674 с.
4. *Градовский А. Д.* Высшая администрация России XVIII столетия и генерал-прокуроры / А. Д. Градовский. — Санкт-Петербург : Типография И. Бочкарева, 1866. — 284 с.
5. *Градовский А. Д.* Собрание сочинений. — Санкт-Петербург : Типография Стасюлевича, 1899. — Т. 1. — 420 с.
6. *Латкин В. Н.* Лекции по внешней истории русского права / В. Н. Латкин. — Санкт-Петербург : Типография Либермана, 1888. — 372 с.
7. *Никольский Д. П.* Государственное право / Д. П. Никольский. — Санкт-Петербург, 1904. — 144 с.
8. *Самоковасов Д. Я.* История русского права / Д. Я. Самоковасов. — Москва : Тип. А. И. Мамонтова, 1899. — 167 с.
9. *Тимофеев А. Г.* История телесных наказаний в русском праве / А. Г. Тимофеев. — Санкт-Петербург : Типография Санкт-Петербургской тюрьмы, 1897. — 228 с.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Бабкова Г. О.* Уголовно-процессуальные законопроекты Екатерины II и российское законодательство второй половины XVIII в. (к истории указа «О трех родах воровства» 1781 г. и «Устава благочиния» 1782 г.) / Г. О. Бабкова // Актуальные проблемы российского права. — 2015. — № 2. — С. 9—20.
2. *Батлер У. Э.* Сочинение Л. Н. Толстого о «Наказе» императрицы Екатерины II / У. Э. Батлер // Вестник Московского государственного университета. Серия 11 : Право. — 2018. — № 2. — С. 3—12.
3. *Волкова Л. А.* «Комиссия для сочинения проекта нового уложения» 1767—1768 гг. в дореволюционной отечественной историографии / Л. А. Волкова // Омский научный вестник. — 2011. — № 1 (95). — С. 21—24.
4. *Дейк ван Т. А.* Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Т. А. ван Дейк ; пер. с англ. — Москва : Книжный дом «Либроком», 2013. — 144 с. ISBN 978-5-397-03766-2.
5. *Дуринова Г. В.* Русский социально-политический язык: «Наказ» Екатерины II / Г. В. Дуринова // Вестник Московского университета. Серия 21 : Управление (государство и общество). — 2015. — № 1. — С. 3—13.
6. *Леонтьева О. Б.* Историческая память и образы прошлого в русской культуре XIX — начала XX вв. / О. Б. Леонтьева. — Самара : Книга, 2011. — 448 с. — ISBN 978-5-93424-522-2.
7. *Марасинова Е. Н.* «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII в. Очерки истории общественного сознания / Е. Н. Марасинова. — Москва : НЛЮ, 2017. — 512 с. ISBN 978-5-4448-0696-8.
8. *Назаренко Б. А.* Правовые новации в «Наказе» Екатерины II / Б. А. Назаренко // Актуальные проблемы российского права. — 2008. — № 3. — С. 31—36.

9. Недайводина Е. Г. Политико-правовые взгляды Екатерины II как один из источников идей русского конституционализма / Е. Г. Недайводина // Образование. Экономика. Общество. — 2014. — № 1—2. — С. 111—117.

10. Садикова Д. Р. Отражение политических идей Ш. Л. Монтескье в «Наказе» Екатерины II (по материалам дореволюционной отечественной историографии) / Д. Р. Садикова // Вестник Челябинского государственного университета. — 2014. — № 12 (341). История. Выпуск 60. — С. 102—108.

11. Соколова Е. С. О надсословных тенденциях политико-юридического курса Екатерины II : идеология, законодательство, церемониальные практики (вторая половина XVIII в.) / Е. С. Соколова // Право и политика. — 2018. — № 8. — С. 93—113. DOI: 10.7256/2454-0706.2018.8.27189.

12. Сорокин Ю. А. Политические режимы Екатерины II и Павла I в отечественной исторической литературе XIX—XX вв. / Ю. А. Сорокин // Сибирские исторические исследования. — 2014. — № 3. — С. 108—137.

13. Томсинов В. А. Юридическое образование и юриспруденция в России в первой трети XIX в. / В. А. Томсинов. — Москва : Зерцало-М, 2010. — 280 с. ISBN 978-5-94373-191-4.

14. Уортман Р. С. Властители и судии : развитие правового сознания в императорской России / Р. С. Уортман. — Москва : НЛЮ, 2004. — 515 с. ISBN 5-86793-273-7.

15. Федоренко А. А. Екатерининская эпоха в народнической историографии конца XIX — начала XX вв. / А. А. Федоренко // Княгиня Е. Р. Дашкова — выдающийся деятель русского просвещения. — Москва : ГТУ, 2018. — С. 93—103.

16. Чирскова И. М. История России XVIII в. и цензура второй половины XIX в. / И. М. Чирскова // Россия в X—XVIII вв. : Проблемы истории и источниковедения. — Москва : [б. и.], 1995. — С. 653—662.

17. Юферова С. В. Взаимоотношения дворянства и власти в екатерининской России в оценках отечественных историков / С. В. Юферова // Россия и АТР. — 2014а. — № 2 (84). — С. 158—169.

18. Юферова С. В. Губернская реформа Екатерины II : освещение в отечественной историографии / С. В. Юферова // Вестник РГГУ. Серия : История. Филология. Культурология. Востоковедение. — 2014б. — № 19 (141). — С. 132—140.

19. Юферова С. В. Первый опрос общественного мнения (советская историография депутатских наказов в Уложенную комиссию Екатерины II) / С. В. Юферова // Вестник Томского государственного университета. Серия : История. — 2017. — № 46. — С. 129—134. — DOI: 10.17223/19988613/46/17.

MATERIAL RESOURCES

Alekseev, A. S. (1892). *Russian state law*. Moscow: A. Gatsuk's printing house. 473 p.

Andreevsky, I. E. (1866). *Russian state law, I*. St. Petersburg. 496 p. (In Russ.).

Gradovsky, A. D. (1866). *The Supreme Administration of Russia of the XVIII century and the Prosecutor-General*. Saint Petersburg: I. Bochkarev's Printing house. 284 p. (In Russ.).

Gradovsky, A. D. (1899). *Collected works, I*. St. Petersburg: Stasyulevich's printing house. 420 p. (In Russ.).

Latkin, V. N. (1888). *Lectures on the external history of Russian Law*. St. Petersburg: Liberman's Printing House. 372 p. (In Russ.).

- Nikolsky, D. P. (1904). *State law*. St. Petersburg. 144 p. (In Russ.).
- Samokvasov, D. Ya. (1899). *Istoriya russkogo prava [History of Russian Law]*. Moscow: A. I. Mamontov Type. 167 p. (In Russ.).
- Timofeev, A. G. (1897). *Istoriya telesnykh punishments v russkom pravo [History of corporal punishment in Russian Law]*. St. Petersburg: Printing house of the St. Petersburg prison. 228 p. (In Russ.).
- Vladimirsky-Budanov, M. F. (1900). *Obzor istorii russkogo prava [Review of the history of Russian law]*. St. Petersburg; Kiev: N. Ya. Ogloblin. 674 p. (In Russ.).

REFERENCES

- Babkova, G. O. (2015). Criminal procedure bills of Catherine II and Russian legislation of the second half of the XVIII century (on the history of the decree “On three kinds of theft” of 1781 and the “Charter of the deanery” of 1782). *Actual problems of Russian law*, 2: 9—20. (In Russ.).
- Butler, U. E. (2018). The work of L. N. Tolstoy on the “Order” of the Empress Catherine II. *Bulletin of the Moscow State University. Series 11: Law*, 2: 3—12. (In Russ.).
- Chirskova, I. M. (1995). History of Russia of the XVIII century and censorship of the second half of the XIX century. In: *Russia in the X—XVIII centuries: Problems of History and Source Studies*. Moscow: [b. i.]. 653—662. (In Russ.).
- Dijk van, T. A. (2013). *Discourse and power. Representation of dominance in language and communication*. Moscow: Book House “Librocom”. 144 p. ISBN 978-5-397-03766-2. (In Russ.).
- Durinova, G. V. (2015). Russian socio-political language: “The Order” of Catherine II. *Bulletin of the Moscow University. Series 21: Governance (State and Society)*, 1: 3—13. (In Russ.).
- Fedorenko, A. A. (2018). Ekaterininskaya epoch in narodnicheskaya historiography of the late XIX — early XX centuries. In: Princess, E. R. *Dashkova is an outstanding figure of the Russian enlightenment*. Moscow: GTU. 93—103. (In Russ.).
- Leontyeva, O. B. (2011). *Historical memory and images of the past in Russian culture of the XIX—early XX centuries*. Samara: Kniga. 448 p. ISBN 978-5-93424-522-2. (In Russ.).
- Marasinova, E. N. (2017). “Law” and “citizen” in Russia of the second half of the XVIII century. *Essays on the history of public consciousness*. Moscow: UFO. 512 p. ISBN 978-5-4448-0696-8. (In Russ.).
- Nazarenko, B. A. (2008). Legal innovations in the “Order” of Catherine II. *Actual problems of Russian law*, 3: 31—36. (In Russ.).
- Nedayvodina, E. G. (2014). Political and legal views of Catherine II as one of the sources of ideas of Russian constitutionalism. *Education. Economy. Society*, 1—2: 111—117. (In Russ.).
- Sadikova, D. R. (2014). Reflection of the political ideas of S. L. Montesquieu in the “Order” of Catherine II (based on the materials of pre-revolutionary Russian historiography). *Bulletin of the Chelyabinsk State University*, 12 (341) / 60: 102—108. (In Russ.).
- Sokolova, E. S. (2018). On supra-verbal tendencies of the political and legal course of Catherine II: ideology, legislation, ceremonial practices (the second half of the XVIII century). *Law and politics*, 8: 93—113. DOI: 10.7256/2454-0706.2018.8.27189. (In Russ.).

- Sorokin, Yu. A. (2014). Political regimes of Catherine II and Paul I in the Russian historical literature of the XIX—XX centuries. *Siberian Historical Studies*, 3: 108—137. (In Russ.).
- Tomsinov, V. A. (2010). *Legal education and jurisprudence in Russia in the first third of the XIX century*. Moscow: Zertsalo-M. 280 p. ISBN 978-5-94373-191-4. (In Russ.).
- Volkova, L. A. (2011). “The Commission for the composition of the draft of the new code” of 1767—1768 in the pre-revolutionary Russian historiography. *Omsk Scientific Bulletin*, 1 (95): 21—24. (In Russ.).
- Wortman, R. S. (2004). *Potentates and judges: the development of legal consciousness in Imperial Russia*. Moscow: UFO. 515 p. ISBN 5-86793-273-7. (In Russ.).
- Yufereva, S. V. (2014a). The relationship of the nobility and power in Catherine’s Russia in the assessments of domestic historians. *Russia and the Asia-Pacific Region*, 2 (84): 158—169. (In Russ.).
- Yuferova, S. V. (2014b). The provincial reform of Catherine II: coverage in Russian Historiography. *Bulletin of the RSUH. Series: History. Philology. Cultural studies. Oriental studies*, 19 (141): 132—140. (In Russ.).
- Yuferova, S. V. (2017). The first poll of public opinion (Soviet historiography of deputy orders in the Laid commission of Catherine II). *Bulletin of Tomsk State University. Series: History*, 46: 129—134. DOI: 10.17223/19988613/46/17. (In Russ.).